

Навуковая спадчына

Перцев В. Н.

Пруссия II – VI веков*

[Во II в. н. э. *Aestii*, о которых писал Тацит в первой главе своей неопубликованной монографии «Пруссия до ее завоевания немцами», уходят из поля зрения античных авторов. Молчание источников продолжается несколько столетий, вплоть до появления в сочинении Иордана «О происхождении и деяниях гетов» упоминания о том, что *Hestii* отправили в дар королю готов Теодориху караван с янтарем.

Археологические находки показывают, что за время «молчания» регион обитания эстиев претерпел значительные изменения. На смену могильным урнам II в. пришли грунтовые захоронения с трупоположением. Наменклатура погребального инвентаря при этом не изменилась. Датированной находкой для III в. является арбалетовидная фибула с кольцевым орнаментом. В начале IV в. распространяется трупосожжение, при котором кости без остатков погребального костра помещались в урну для последующего захоронения в индивидуальной могиле. Датированной находкой для конца III – начала IV вв. выступает арбалетовидная фибула с тремя кнопками на пружине, для конца IV – начала V вв. – арбалетовидная фибула с ножкой в виде звездочки. К концу IV в. также уменьшается число захоронений с конями, маркирующих могилу знатного человека. Археологические находки начала V в. указывают на проникновение отдельных групп из германских племен саксов и фризов, которых франки вытесняли из низовьев Рейна.

Сохранение номенклатуры погребального инвентаря позволяет сделать вывод о том, что на этих землях после II в. обитал тот же народ, что и до этого хронологического рубежа.

Указанный период подробно рассматривается во второй главе монографии «Пруссия до ее завоевания немцами» Владимира Николаевича Перцева, продолжившего свою полемику с Иоганном

* Подготовка текста И. О. Евтухова.

Фойгтом, считавшим, что определяющее влияние на развитие пруссов в период II– IV вв. оказали германские племена, по преимуществу готы.

Текст главы публикуется по машинописи, хранящейся в настоящее время в Центральном научном архиве НАН РБ (Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева. Дело № 16). Пагинация рукописи и дела не совпадают. В первом случае текст занимает листы 75–105, во втором – листы 77–107. Учитывая, что в настоящее время полемика с автором начала XIX в. имеет сугубо историографический интерес, при публикации были сняты ссылки на работы, утратившие свою научную актуальность]

О жизни населения Пруссии между II и VI веками мы знаем еще меньше, чем о более раннем периоде, рассмотренном в предыдущей главе. Источники, относящиеся к этому периоду очень неясны и скудны. Документальный материал совершенно отсутствует, а авторы повествовательных источников, затрагивающие прусскую историю, касались ее только попутно и вскользь. Источниками для нас здесь являются, во-первых, поздние римские писатели, между ними прежде всего Птолемей, отчасти Аммиан Марцеллин, римский историк середины IV века, византийский писатель конца V века Зосима, Прокопий Кесарийский, писатель первой половины VI века, готский историк VI века Иордан, биограф Карла Великого Эйнхард и некоторые другие. Ввиду того, что все эти писатели историей Пруссии мало интересовались и в основном писали о других народностях и племенах, они только случайно упоминали о Пруссии, и, хотя их сообщения являются ценными, они все-таки недостаточны и случайны. Во-вторых, некоторые данные можно почерпнуть и из лингвистических данных, сохранившихся до нас в поздней передаче (гл. обр. в *Elbinger Vocabular*). В-третьих, есть сведения и легендарного характера, главным образом в передаче хронистов XVI века. Но историческое зерно в этих легендах, как увидим ниже, настолько искажено, что строить на нем какие-либо выводы нельзя. Поэтому-то мы можем говорить в применении к этому периоду только о некоторых самых основных и самых общих явлениях и

событиях прусской истории, рисующихся нам на основе источников. Они связаны с одной стороны с ослаблением силы сопротивления римской империи натиску варварских племен, а с другой стороны с ростом производительных сил, обнаружившимся у германцев и у их соседей приблизительно с III века.

Энгельс в главе «Прогресс за период переселения народов» своей книги о древних германцах дал превосходную характеристику прогресса у германцев от III до V вв. в области материальной культуры. Их промышленность, особенно металлическая, поднялась. Они научились обрабатывать железо и бронзу, а также серебро и золото; у них появились гончарные мастерские, они стали изготавливать стеклянные посуды. Они произвели расчистку первобытного леса и значительно расширили земли, пригодные для сельскохозяйственных занятий - земледелия и скотоводства; у них развилась торговля, и внешняя - с Римом - и внутренняя - между самими германскими племенами. Появились даже зачатки письменности в виде рунических письмен. Все это вызвало рост населения и возбудило стремление к использованию всяких возможностей дальнейшего повышения материальных условий жизни. Количественно возросшие и политически окрепшие германские, а также и соседние с ними племена с большей силой, чем раньше, стали стремиться к занятию новых территорий и к овладению культурными богатствами Рима.

Им помогло то, что как раз в это время обнаружили первые признаки упадка военного могущества римской империи. Самым ранним проявлением этого упадка была маркоманнская война при императоре Аврелие (165-180). Восемнадцать северных племен (различных германских, сарматских, роксоланских, аланских, фракийских) во главе с германским племенем маркоманнов вторглись в пределы римской империи, причем некоторые их дружины достигли самой Италии и подвергли ее опустошению. В этой маркоманской войне приняли участие и готы, а возможно и отдельные отряды из Пруссии. О размерах этого движения говорят следующие слова древнего автора: «Все народы от

иллирийских границ до самой Галлии действовали заодно против Рима» (SHA. V. Marci). Что готы принимали участие в этом движении, подтверждается и тем, что они получали при Марке Аврелии от Рима ежегодную дань (Petrus Patricius in Excerpt. de legationibus op. Hritter, p. 410-490).

Таким образом, маркоманская война была первым этапом в общеварварском движении племен 3. Европы против Рима. Она доказала слабость римской империи, разрушила представление о его непобедимости и привела к важным последствиям для всей Западной Европы, в частности для Пруссии. Началось еще медленное, но с течением времени все более усиливавшееся движение германских племен из северо-восточной Германии на юг, запад и отчасти на восток, которое в конце концов разрослось в так называемое «великое переселение народов».

Готы двигались к югу отдельными отрядами под начальством мелких племенных князьков. По Днестру, Припяти и Днепру они проникли в позднейшую Южную Россию к берегам Черного моря, заняв обширную территорию между Днестром и Доном. На юге они соединились с местными племенами - готов, аланов, гепидов и других. Усилившись благодаря этому, они стали производить нападения и на римскую империю, которая привлекала их своими богатствами. Они - и руководимые ими племена Причерноморья - проникли в Н. Мезию, Дакию, Македонию, Фракию, Фессалоники, доходили даже до Афин. С моря они вторгались в М. Азию и разрушали ее богатые города. Но, несмотря на все усиливавшуюся слабость римской империи, прочных успехов в борьбе с Римом они ни в III, ни в IV вв. не имели. Целью готов при их первоначальных нападениях на римскую империю был только грабеж и захват военной добычи, а не прочное овладение подвергавшимися их нападениям землями. Как и раньше (т. е. в движении к югу) готы действовали разрозненно, нападали на империю отдельными отрядами и часто враждовали между собою. При таких условиях даже и слабая римская империя некоторое время могла

отбиваться от них, хотя и была вынуждена в борьбе с ними держаться только оборонительной политики. Императору Константину I удалось даже привлечь готские отряды на службу империи: готы были посажены на границе империи в Дакии с обязательством защищать римские рубежи, - т. е. стали федератами Рима.

Но мирные отношения Рима с готами были непродолжительны. Нападения готов на империю опять усилилось непосредственно после смерти Константина. Со второй половины IV века слабость Рима обнаружилась еще более ясно. Нападения готов на империю продолжали носить разбойничий и пиратский характер, в их действиях по-прежнему не было единства, но отражать их становилось все труднее. В 369 г. были уничтожены и федеративные отношения готов Дакии к Риму, и всякая тень зависимости их от империи исчезла.

На историю Пруссии это передвижение готов к югу имело двойное влияние. Во-первых, стали рваться связи Пруссии с античным Средиземноморьем. На первых порах, а именно в конце II и в самом начале III ст. н. э., количество римских монет и римских изделий на территории ю.-в. Прибалтики, как уже указывалось, даже увеличилось, но это объясняется тем, что готы, уходившие с прежних мест, не сразу порывали с ними связи и доставляли в них награбленные в процессе нападений на римскую империю вещи и монеты, как свою военную добычу. Но в дальнейшем, - начиная уже с III в., - торговля Рима с Прибалтикой решительно упала, ибо торговые пути с севера (из Прибалтики) в Италию затруднились. Об этом говорит и уменьшение количества монет и других предметов, находимых в Прибалтике III-им и концом V столетия, и почти полное отсутствие сведений о Прибалтике этого времени у античных писателей. Очевидно, купцы перестали ездить из Италии на север, и у римских писателей, которые от них, главным образом, и почерпали свои сведения о северо-восточных странах, теперь исчез источник их исторических и этнографических знаний. Такое засорение путей на север стояло в связи с начавшимися передвижениями военных дружин, которое перешло в т. н. «великое переселение народов»

и сделало торговые пути опасными. А кроме того, ослабели покупательные способности и самого Рима. В империи начался общий хозяйственный упадок, и спрос на янтарь, дорогие меха, рабов и диких зверей в Риме ослабел. Торговля с близкими к Риму западно- и южно-германскими племенами некоторое время еще поддерживалась и в отдельных случаях даже развивалась, а торговля с далекими северо-восточными варварскими племенами все более замирала. В Риме исчезал интерес к этим отдаленным странам, исчезала самая возможность получить из них и о них какие-либо сведения, и отсюда возникала та «темная ночь», повисшая над историей Пруссии после птолемеевского времени, о котором говорит Фойгт.

Но это не значило, что в самой Прибалтике прекратилось в это время развитие производительных сил. Нидерле указывает, что южная Прибалтика в IV-V столетиях н. э. стала центром производства изящных (выемчатых) эмалевых изделий которые через два столетия - в VI-VII вв. - появились и в Приднепровье. У нас нет оснований исключать Прибалтику - по крайней мере в большинстве случаев - из области приведенных Энгельсом примеров прогресса у германцев в области их материальной культуры...

Но все-таки сокращение обмена не могло не ограничивать социальные результаты такого прогресса, т. е. стремление к накоплению, развитие которого ограничивалось в это время только размерами индивидуальных потребностей сильных людей не стимулировались потребностями рынка.

Попытку восстановить торговые связи Рима с Прибалтикой в начале VI века сделал остготский король Теодорих Великий, но эта попытка была, по-видимому, безрезультативной. До нас дошло письмо, которое было написано знаменитым канцлером остготского короля Кассиодором от имени Теодориха. Оно озаглавлено: «Эстиам - король Теодорих». В нем Теодорих выражал удовольствие, что слава его имени достигла до берегов Океана (т. е. Балтийского моря); он уведомлял, что получил янтарь и выражал свое мнение о происхождении янтаря из

древесного сока (ex arboris succo), как бы подчеркивая этим свою ученость. Он призывал к возобновлению посещений эстиями Италии, т. е. к поддержке обмена между Италией и Балтикой. «Посещайте нас чаще, по дорогам, которые открыла ваша любовь» (Cass. Var. lib. ep. 2). Теодорих надеялся развить заглохшие сношения с народами балтийского побережья, в сущности спекулируя славой своего имени и обещая большие выгоды от торговли с Италией в дальнейшем («...потому, что всегда выгодно приобретение расположения богатых царей, которые, смягчаясь малыми дарами, заранее готовят за них большое вознаграждение» (Ibidem.)). Но, по всем видимостям, эта попытка восстановления торговых связей с Прибалтикой осталась безрезультативной. Самый характер письма Теодориха, в котором содержатся обещания больших милостей со стороны царя в случае возобновления торговых сношений, указывает, что сам Теодорих больше рассчитывал на словесную убедительность своих доводов, чем на их реальную силу, ибо в то время значение королевской милости для прибалтийских племен было уже ничтожно.

Во-вторых, отход готских элементов к югу вызвал некоторые значительные сдвиги в составе населения Прибалтики вообще и Пруссии в частности. И раньше германские (готские) элементы в населении Пруссии были слабыми и кратковременными. Теперь же они быстро исчезают. Это отразилось и на некоторых сообщениях древних авторов о Прибалтике. Если более ранние античные писатели, писавшие по-преимуществу в первом веке новой эры, считали основными поселенцами Пруссии и юго-восточных, завислянских берегов Балтийского моря вообще готов (или готонов, гитонов) и эстиев, которых они считали германцами, то уже писатель конца II в. н. э. Птолемей указывает на значительно большую распространенность по Балтийскому побережью - венедов, которые были прото-славянами.

«Сарматия, - говорит Птолемей, - содержит в себе много народов. Венеды же живут вдоль всего Венедского залива». Под Венедским заливом здесь разумеется часть Балтийского моря, включавшая в себя и

Пруссию. Часть готов, которых Птолемей называет гитонами, однако, удержалась на юге Пруссии (вероятно по реке Древенц) ибо, как говорит Птолемей, «всю реку ниже венедов занимают гитоны» (Geogr. III, 5, § 7). В близком соседстве с венетами, между ними и гитонами, Птолемей (см. выше стр.) помещает галиндов, на восток от них суденов и еще дальше на восток ставанов, - вероятно, испорченное от *sflavani*, т. е. славяне (Geogr. III, 5, § 9). Названия указанных племен неясны, но, давая их, Птолемей, очевидно, держался на базисе достоверных сведений, ибо в более поздней Пруссии уже по совершенно достоверным данным были области Галлиндия и Судовия (Dusb. II, 3), населенные литовско-прускими племенами галиндов и судвнов (иначе зудитов), которые, очевидно, и дали этим областям свои названия.

Все это подтверждает мнение о древности и литовских, и славянских элементов на территории Пруссии и в других местах юго-восточной Прибалтики.

После маркоманнской войны отход готских и других варварских племен (вернее военных дружин, игравших среди них руководящую роль), живших у берегов Балтийского моря, продолжался. У нас [есть] все основания думать, что в это передвижение была втянута не вся масса племенных населений, а только наиболее подвижные и притом наиболее влиятельные и зажиточные социальные элементы, группировавшиеся кругом своих военных предводителей в виде дружинной, военной аристократии. Только у них хватало материальных средств, чтобы сняться с места и броситься в новые места, в расчете на военную добычу и грабеж мирного населения. Все миграции того времени, по-видимому, затрагивали именно зажиточные военно-дружиннические элементы, хотя они могли быть довольно многочисленными; есть сведения, что иногда у отдельных племен численность их дружин доходила до 20 тысяч человек. Однако, как правило, дружины редко превышали 3 - 4 тысяч[и] человек; дружина в 10 тысяч человек считалась уже большой.

К сожалению, наши источники молчат о передвижениях, касавшихся самой Пруссии, и мы можем судить о них только по

некоторым косвенным данным. Даже Фойгт, который старается собрать мельчайшие крупницы из источников, чтобы на их основании построить какие-либо выводы, принужден признать, что после Птолемея и до Карла Великого «на всей древности той страны, которую мы здесь описываем, лежит темная ночь. Только кое-где дружественно светят через темноту и то только тусклым светом отдельные звезды» (Voigt. I. S. 79). Но во всяком случае можно думать, что из Прибалтики и из других менестностей Северной Германии, находившихся не только на восток от Вислы, но и на Восток от Эльбы, уходили, главным образом германские элементы, или, вернее, германская военно-дружинная верхушка прибалтийских племен, оставались же на месте литовские, славянские и латышские элементы.

Возможно, что в это время с севера происходило продвижение к югу и финских племен. Так Браун находит, что около времени Птолемея (или Тацита) происходило продвижение с северо-востока на юг финских эстов и ливов-куронов. Происходило, таким образом, как бы освобождение от германских элементов народностей, живших в северной части Германии. Это было связано, конечно, и с оформлением этнических признаков, свойственных как германцам, так и литовско-пруско-латышам, а также славянам. Чем дальше шло время, тем эти этнические признаки делались более определенными, и потому формирование языковых и племенных особенностей по быстрее. Быть может, к IV и V столетиям это формирование продвинулось уже далеко вперед. Отход германских элементов на юг, юго-восток и юго-запад был, таким образом, связан и со значительными последствиями для населения Пруссии, поскольку в его среде совершенно исчезали германские (по-видимому, готские) элементы, и раньше очень незначительные.

Относительно германцев вопрос может идти о том, в какой мере, с какой быстротой и в какие века этот отход совершался наиболее энергично. Мюлленхофф находит, что «вся восточная Германия была освобождена от своих старых обитателей с начала V столетия, даже в большей своей части в конце III столетия» (Mullenhoff. Deuthere Alter... II,

S. 92). Еще более решительного мнения о полноте отхода германских элементов держится Ломейер, который, упоминая о проникновении в Пруссию в начале нашей эры славян, пишет: «в течение немногих столетий они (т. е. пруссы) должны были с ними (т. е. славянами) до такой степени слиться в единый народ по нравам, степени развития и языку, что позднее никаких следов германского первоначального населения там нельзя найти» (Lohmeyer Gezeh von Alt I, S. 8. 1881). Гильфердинг находит, что начало этого отхода относится ко II столетию нашей эры, а конец - к V столетию. По мнению Гельфердинга «окончательно изгнал немецкие дружины из Прибалтики Атила. После его смерти не было ни одного немецкого племени на всем Балтийском Поморье, до самых Карпатских гор» (История балтийских славян, с. 19).

Для ясности надо сказать, что никакого сплошного «первоначального» германского населения в Пруссии не было, а жили здесь первоначально, как мы уже видели, племена балтийской группы, находившиеся в близком соседстве со славянами при очень небольшой и кратковременной примеси германских элементов.

При этом племена балтийской группы, включая в них и тацитовских эстиев, а также и славяне, обладали, по-видимому, гораздо большей устойчивостью в своих привычках к оседлой жизни, чем германцы. Германские элементы уходили из Восточной Прибалтики, а предки пруссов, литовцев и латышей, - равно как и славяне, оставались на одном и том же месте. Забегая несколько вперед, можно отметить с полной определенностью постоянное упоминание в источниках об эстиях, как предках пруссов, живущих на протяжении веков на одной и той же территории. О них дважды упоминает Иордан, один раз в своем рассказе о походе короля Германриха к берегам Балтийского моря (ок. 350 г.), а другой раз, указывая на них, как на восточных соседей видивриев, живших у устьев Вислы (ок. 550 г.). О посольстве эстиев к Теодориху для передачи янтаря говорит Кассиодор; об них же упоминает Эйнхард в своем жизнеописании Карла Великого; о них говорится в

описании путешествия мореплавателя Вульфстана, посланного королем Алфредом Великим и достигшего берегов Пруссии (890 г.). Всюду эстии оказываются живущими на одном и том же месте - у юго-восточных берегов Прибалтики, на восток от Вислы, однако без особенной точности в определении их места жительства. Это постоянство упоминания об эстиях, как о народе, живущем в ряде веков на одном и том же месте, подкрепляется и некоторыми свидетельствами историков о бытовых особенностях эстияев, предрасполагающих их к оседлому образу жизни. Сюда относится и уже приводимое выше свидетельство Тацита (стр. 33), что эстии более усердно занимаются земледелием, чем соседние германские народы, и многочисленные упоминания более поздних источников об их миролюбии, что также отличало их от соседних германцев, которых издревле толкала к переселениям страсть к захватам чужих земель.

Процесс отхода германских элементов из Прибалтики был длительным. Он начался, по-видимому, раньше конца II столетия, может быть даже и с I столетия. Одним из главных этапов в этом продвижении варварских племен с севера к юго-востоку было образование в IV столетии в степях Причерноморья большого объединения племен, по-преимуществу германских, но с некоторой примесью славянских и сарматских - под главенством остготского короля Германриха. Историки (гл. образом Иордан, Кассиодор и Ам. Марцеллин) говорят об очень широких размерах созданного Германрихом племенного объединения, но к этим сообщениям надо относиться с большой осторожностью. Во-первых, власть Германриха даже и над теми племенами, которые были ему действительно подчинены, была очень непрочна. Во-вторых, самые границы этого объединения источники чрезмерно раздувают. В действительности власть Германриха (при всей ее непрочности) можно более или менее точно установить только на юге. Северные же границы этого объединения неясны. Иордан приписывает Германриху власть над огромной территорией. «Он усмирил многие и самые воинственные северные народы и заставил их подчиняться своим законам... Поразив

герулов, Германрих направил оружие против венедов... И хотя теперь, по грехам нашим, они всюду свирепствуют, но тогда все подчинялись велениям Германриха» (гл. 25). Но это утверждение Иордана о власти Германриха над венедом не соответствует действительности. Ведь венеды, согласно с самим Иорданом занимали огромную территорию на севере до Балтийского моря, на юго-западе до Паннонии, и установить свою власть над всем этим обширным комплексом земель, разбросанных в различных климатических полосах, Германриху, который по существу был только вождем объединившихся, но плохо спаянных между собой дружин, и германских, и славянских, и сарматских, и, может быть, финских, – не могло удасться. Созданное им объединение племен не носило характера государства. При этом внутри этого объединения происходили частые восстания. При таких условиях северные народы могли быть только в слабой зависимости от Германриха: может быть они даже находились только в торговых отношениях с остготами.

Совершенно маловероятным является замечание Иордана-Кассиодора, что Германрих «также и народ эстов, обитающих по обширному берегу Германского океана умом и доблестью покорил» (Иорд. 120). Вероятнее всего, оно является вымыслом Кассиодора, стремившегося, как известно, возможно более прославить готов и приписать наибольшее распространение их власти. Характерно при этом упоминание Иордана-Кассиодора что эсты были покорены «умом и доблестью» (*prudentia et virtute*). Скрытый смысл этого выражения заключается в том, что эсты не были подчинены силой оружия и что с ними был заключен какой-то договор, который, как и всякий договор, предполагал если и не равноправные, то свободные отношения между договаривающимися сторонами. Поэтому мы можем думать, что и эсты, жившие в Пруссии, и венеды, проникавшие на территорию Прибалтики, – были тогда свободны.

Вообще в период так называемого «великого переселения народов» Пруссия не подверглась сколь-нибудь значительным нападениям со стороны германских племен. Конечно, и коренное

население Пруссии в это время ни на кого не нападало. В III и IV веках на территории Германии насчитывалось до 300 племен. У некоторых из них были довольно значительные дружины, как уже говорилось, доходившие до 20 тысяч человек, но заходили ли они на территорию Пруссии, нам не известно. В источниках нет упоминаний и о самих пруссах. Зосима - византийский историк V века и Поллион говорят о каких-то $\pi\sigma\delta\acute{\iota}\gamma\gamma\varsigma$ (Зосима) и Pruthungi или Trutungi (Поллион), но, несмотря на некоторые созвучия со словом «пруссы» эти племена ничего общего с Пруссией иметь не могут потому что Зосима помещает своих «протингов» выше Истра. Поллион же относительно своих «протунгов» к скифам. Аммиан Марцеллин также сообщает нам немного сведений о Пруссии. Он упоминает о каком-то народе $\alpha\gamma\mu\theta\rho\eta\omicron\epsilon\iota$, который жил между берегами Вислы и Прегеля (XXII, 8), но не дает никаких более точных сведений.

На почве неясности на протяжении ряда столетий после Птолемея наших сведений о Пруссии расцвела фантазия немецких историков, принадлежавших к германистической школе. Целью этой фантазии было укрепление мысли о непрерывности «готской традиции» в истории Пруссии, т. е. о том, что германские (готские) элементы в Пруссии никогда не исчезали и даже не ослабевали, а наоборот, непрерывно поддерживались. Эта теория возникла еще очень давно. Ее родоначальником надо считать неоднократно цитировавшегося Фойгта, старый авторитет которого повис и над многими более современными историками, поддерживающими и развивающими его точку зрения и в более близкие к нам времена. По Фойгту германское влияние на территорию и население Пруссии в течение целого ряда столетий питалось все новыми и новыми источниками... По его «теории» готы из Прибалтики когда-то выселились (хотя и не вполне) на Скандинавский полуостров, а затем вернулись туда обратно. Подчинив себе живших там венедов, они их онемечили и установили над ними свое господство. «Значительная часть готского народа, которая с течением времени смешалась с венедами, не оставляла старую первоначальную почву, на

которой долгое время жили предки и к которой отдельных ее членов притягивали другие узы, и долго жила на том же месте, смешавшись с венедами. Не менее достоверно [известно], что венеда, частью раньше, пока готы над ними господствовали, частью позднее, вследствие совместной жизни с оставшимися готами, многое заимствовали и усвоили из готских нравов и образа жизни, языка и религии, что объясняет общность их обычаев с германскими» (Voigt J. Geschichte Preußens. I. S. 105). Таким образом по Фойгту (и его последователям) раннее славянское (венедское), а также иное негерманское население, жившее в Прибалтике в близком соседстве с населением Пруссии, не принимало основного участия в формировании этнических, культурных и социальных признаков позднейшей прусской народности. Основные особенности населения Балтики формировались, по Фойгту, с самого начала и главным образом готскими, т. е. германскими, влияниями. Позднее же, по мнению Фойгта, господство готов над Пруссией и германских элементов в Пруссии нашли себе новую поддержку. А именно, на берега Балтики явился какой-то новый народ - видиварии. У Иордана есть, действительно, упоминание о видивариях, которые в его время жили у устья Вислы, но Иордан не называет их ни готами, ни германцами. «У берегов Океана, где воды Вислы поглощаются тремя устьями, находятся видиварии, составленные из различных народов. За ними берег океана населяют также эстии, народ во всех отношениях мирный» (гл. 5). И дальше Иордан говорит о тех же видивариях, что они пришли не смепену гепидам, живших раньше при устье Вислы. «Гепиды жили на острове, окруженном водами Вислы. Теперь же этот остров, как передают, населяет племя вивидариев (равносильно видивариям - В. П.)... Эти вивидарии собрались в одно убежище из разных народов, и известно, что они составляли одно племя» (гл. 17).

Нет никаких данных, которые бы указывали на готское происхождение видивариев; может быть, прав Гильфердинг, который считает их славянами, хотя прямых указаний в источниках у нас на это нет. Но вернее всего, как это и говорит Иордан, они представляли из

себя сборище вооруженных людей из разных народностей, охваченных жадной военных захватов, и поэтому ни к какой определенной этнической группе их отнести нельзя, ибо варварские дружины этого времени вообще носили сборный характер: военные вожди принимали на свою службу всех смелых и предприимчивых людей, не разбираясь в их этническом происхождении. Шафарик находит среди них и кельтов, а Гильфердинг, признавая их славянское ядро, допускает наличие среди них пришлых немцев и скандинавов. Но Фойгт, признавая, что видиварии - это сборные варварские дружины, которые заняли земли от устья Вислы до земли эстиев, считает, однако, их ядром готов, к которому потом присоединились воинственные дружины из венедов, ругиев, эстиев и других племен. Некоторое время, по мнению Фойгта, видиварии охраняли Балтийское побережье от северных народов, но в основном они своей охранительной задачи выполнить не сумели, ибо около половины IV столетия готы, занявшие берега Черного моря при Германарихе, бросились на север, подчинили себе сарматов, а затем и венедов, и эстиев, живших у Балтийского моря. Венеды были ослаблены, а эстии, подчинившиеся готам Германариха, по мнению Фойгта добровольно, как родственному народу, или без большой борьбы, вступили в мирное сожительство с ними, размножились в условиях мирного времени, и потому могли теперь заселить более широкие пространства, - между ними и те, которые занимали раньше частично гепиды и венеды. Основанием для этого утверждения Фойгта являются слова Иордана: «Эстии населяют широчайший берег Германского Океана» (гл. 23). Вероятно, говорит Фойгт, эстии размножились и на юг, и на северо-запад.

Таким образом, по Фойгту оказывается, что все народы, побывавшие на территории Пруссии или в близком соседстве с нею, и венеды, и позднее заселившиеся туда скандинавы, и видиварии, и готы Германариха, победившие видивариев, венедов и эстиев, все они были или чисто германского происхождения, или родственники германцам, или подвергались сильному германскому влиянию. В этих рассуждениях

Фойгта все натянуто и основано на его германистических фантазиях. Совершенно произвольно его утверждение о германизации венедов, легендарно вселение готов из Скандинавии, произвольно германское происхождение видивариев. Наконец, совершенно не доказано подчинение венедов и всего Балтийского побережья готскому королю Германариху, равно как и последовавшее затем распространение германского (по мнению Фойгта) племени эстиев на широком пространстве Балтики (на основе одного только слова у Иордана *longissima*). И прежде всего неправильно, конечно, отнесение к германцам самих эстиев, которые в действительности ничего общего с ними не имели и относились к балтийской группе племен.

Чувствуя слабость приведенных доказательств, Фойгт для поддержки своего мнения о родственной близости вселившихся из Скандинавии и из других мест готов-победителей с побежденными туземцами привлекает один рассказ, переданный поздними хронистами XVI в. Эразмом Столла, Симоном Грунау, Лукою Давидом, сведения которых, главным образом вымышленные, в действительности никакой исторической ценности не имеют. По этому рассказу, которому Фойгт ошибочно придает значение древней саги, - когда «скандинавский народ»... поселился в земле ульмеругов, сдружился с ними и страна покрылась бургами, то собрались умнейшие люди из народа и выбрали свои вождем, а потом и царем для борьбы против мазовшан (хотя мазовшане еще не появились в действительности в то время на исторической арене) некоего Видевута. Видевут обещался править во всем согласии со своим братом Брутено, которого называли Гриве-Гривайто, т. е. судьей судей. Затем оба брата решили никому не платить дани, а жить в свободе. Но против них поднялись их прежние союзники - скандийцы. После разных столкновений и борьбы и туземцы-ульмеруги, и скандийцы примирились, и между ними был заключен договор о взаимной помощи и дружбе, заканчивавшийся словами: «только звук имени должен отныне отличать скандийца от ульмеруга». Затем Гриве собрал свой народ в одной плодотворной долине,

у большого дуба, выставил там привезенные из Скандии изображения трех богов (раньше туземцы поклонялись только солнцу и месяцу) и объявил, что прежние поселенцы должны жить с новыми в мире и по братски. «Страна же эта , – заявил Гриве, – которую нам дали боги, должна впредь называться по имени моему, имени первого Гриве-Брутену, – страную брутену». Воля богов состоит в том, чтобы это место, где боги властвуют у священного дуба и где живет Гриве вместе с жрецами вайделотами называлось отныне Ramove или Ricaito. Так говорит «сага» по Грунау и Давиду, которые относят все это приблизительно к 556 году.

Из саги, говорит Фойгт, видно, что население Пруссии делилось в то время на старых поселенцев-ульмеругов, состоявших из готов, галиндов, эстиев и венедов, и на вновь вселившихся скандийских готов и видивариев, стоявших под начальством Видевуда и явившихся в качестве завоевателей. Следовательно, по Фойгту, сага подтверждает как древность германского населения в Пруссии (туземцы-ульмеруги, как утверждает Фойгт были по преимуществу готами, хотя сама мнимая «сага» этого не подтверждает), так и позднейшее господство в ней готов, т. е. тех же германцев, пришедших из Скандии. Так как и пришельцы-завоеватели, и туземцы принадлежали к одной и той же народности, только временно разделившейся вследствие ухода и обратного вселения готов, то установить мир между ними, по толкованию Фойгта, было не трудно. Но Фойгт на основании этой вымышленной хронистами XVI в. «саги» утверждает и большее: он находит, что «сага» верно указывает и на начавшееся движение к объединению Пруссии. В «саге» дело предствлено так, что уже в то отдаленное время (т. е. в середине VI столетия) произошло объединение всей Пруссии под единой властью. При этом руководящей властью была не военная власть Видевуда, а мирная власть жреца - его брата Брутену, который будто бы и дал имя своей стране. Полного объединения, говорит Фойгт, в то время , конечно быть не могло. «Но здесь сага остается верной характеру мифа. Свойство мифических саг заключается в том,

что они... ищут твердый пункт началу известного состояния». Иначе говоря, «сага» стремится приурочить развитие, совершающееся в течение веков, к одному моменту и приписать одному месту. В действительности, по мнению Фойгта, в Пруссии происходило лишь стремление, лишь движение к объединению, которое «сага», сложившаяся в позднее время, приписала более ранним векам. В описываемое же время (т.е. в конце VI века) у пруссов, точно также, как раньше и у других древних германских народов, существовало много областей, соответствовавших их более поздним 12 провинциям, указанным у Дусбурга, и в пределах каждой из них уже существовали твердые власти, – одна военная, как бы герцогская, имеющая свой источник в скандинавских пришельцах и символизированная в личности Видовуда, а другая – туземная, мирная, судебно-жреческая, символизированная в личности его брата жреца Брутену. Первая существовала для задач обороны, а вторая осуществляла права законодательства и была предназначена для мирного строительства. Туземцы Пруссии так легко подчинились власти Гриве потому, что она была туземной и выросла из местных корней. Обе власти Фойгт производит из германских источников. Фойгт находит, что в Пруссии существовали порядки, близкие к вестготским при короле Атанарихе и изображенные у Аммиана Марцеллина; при этих порядках верховная власть как бы двоилась: управление на основе силы принадлежало царю, а на основе закона – судье (Амм. Марц. кн. XXIII).

Слово «гриве» по мнению Фойгта, готское и во всяком случае германское (оно связано со словами grau – седой, greis – старик и Richter – судья и родственно греческим словам gezontes, gerusia); оно означало сначала людей почтенного возраста, которым оказывался почет, а потом и судей, причем судьями были жрицы. Это согласуется, по Фойгту, с тем фактом, что у германских народов вообще не было жрецов, как замкнутого класса, вступление в который было бы связано не с выборами, а спосвящением. Царской же власти германцы боялись. Поэтому они и давали права мирного управления, – по существу права

царей, – жрецам, которые свободно выбирались всем народом независимо от сословия, к которому они принадлежали. Лишь христианство превратило духовных лиц - священников - в обособленное сословие, доступ к которому был обязательно связан с посвящением.

Вот какие широкие выводы делает Фойгт, а вслед за ним и некоторые его последователи из указанной мнимой «саги». По существу Фойгт приписывает населению Пруссии этого времени уже зачатки государственности и известного правового порядка. У населения Пруссии были будто бы уже в VI в. власти по областям, устанавлившие законы и наблюдавшие за их исполнением; при этом власть жреца была властью монархического типа, и ей подчинялись и военные вожди. В действительности такой власти в пределах крупного территориального объединения не было и не могло быть ни тогда, ни даже значительно позднее. Источники свидетельствуют вполне определенно, что у пруссов не было твердых властей, распространявшихся на широкую территорию и в более поздние времена. Адам Бременский говорит: «Они не желают иметь над собою никакого господина» (IV, 18). Аналогичное утверждение о пруссах мы имеем в польских хрониках: «До наших дней они существуют без царя, без закона» (SRP. II. P. 747). Этот презрительный отзыв со стороны польских хронистов, сочувствовавших позднему порабощению Пруссии и желавших его оправдать идеологически, надо принимать, конечно, критически, но польские хронисты были правы в том отношении, что у пруссов даже в период начавшейся христианизации Пруссии не было властей, опиравшихся на широкую территориальную базу...

Среди населения Пруссии в разбираемое нами время еще существовали родовые отношения, хотя и подвергающиеся довольно сильному разложению, и что в этом строе не было ничего специфически германского, а существовали лишь порядки, свойственные всем племенам, находящимся на соответствующей ступени развития. Вероятно, даже разложение родовых отношений в Пруссии между Птолемеем (конец II столетия) и Иорданом (конец VI столетия) несколько

задержалось, ибо торговые связи Рима с юго-восточной частью Прибалтики в это время прервались, хотя с западной частью Германии они еще некоторое время поддерживались. Торговля же всегда и всюду является могучим средством разложения родового строя.

При всем том тумане, который окутывает историю Пруссии между временами Птолемея и временем Иордана, мы можем все-таки заключить, что влияние германских элементов на территории Пруссии было совершенно ничтожно и кратковременно. С отходом же военных дружин готов (и других варварских племен) к югу в период маркоманской войны оно совершенно исчезло. Что происходило в это время на самой территории Пруссии, которая была удалена от главных центров культуры, мы, как уже говорилось ранее, мало знаем. Еще более легендарным является германское (готское) происхождение видивариев, ибо состав видивариев по Иордану комплектовался «из разных народностей». Совершенно недостоверным является завоевание Пруссии готским королем Германрихом. В действительности внутри Пруссии едва ли происходило в то время какое-нибудь крупное передвижение масс населения. Оно оставалось, по-видимому, - по крайней мере в своей основе - кроме военных готских дружин, втянутых в передвижения, - на старом месте. Но внутри Пруссии - на основе близкого соседства и долговременного пребывания на одной и той же территории с литовцами, латышами и славянами - возможно с последующей примесью финнов и, может быть, некоторых других этнических элементов – постепенно образовалась прусская народность. При этом и в прусском языке и в прусской культуре было и оставалось больше всего общности с литовским языком и литовской культурой. Эта общность была так сильна, что резко отделить древних пруссов от литовцев представляется невозможным, вследствие чего их можно и должно рассматривать как одно из литовских племен, – не упуская, однако, из виду древнего соседства и возникающих отсюда у них связей со всей группой славяно-балтийских племен. Общественная и культурная общность со всеми племенами поддерживалась и в дальнейшем, ибо

пруссы, литовцы, славяне, латыши и некоторые другие племена, продолжая жить в близком соседстве, еще долгое время находились приблизительно на одной и той же стадии общественного и культурного развития.

При этом в применении к основному населению Пруссии и в это время и несколько позднее еще продолжал держаться термин эстии. Так, Эйнгард, биограф Карла Великого, пишет о племенном составе Прибалтийского Побережья: «На южном берегу живут славяне и айсты и другие народности». Западные славяне, как мы это знаем и из других источников, занимали во время Карла Великого пространства между Эльбой и Вислой. Под «другими племенами» Эцнгард, вероятно, разумел другие литовские племена (кроме эстиев), жившие восточнее. Поэтому термин «айсты» он, как и более ранние писатели, относил к тому населению южной Прибалтики, которое позднее получило название пруссов.

Таким образом к концу VI столетия Пруссия была со всех сторон окружена славянскими, другими литовскими и прочими племенами. В разных частях Пруссии этнический состав населения был неодинаков. На северо-западе преобладало влияние поморских славян. На юге и юго-западе влияние мазовшан и поляков, на востоке - влияние других литовских племен (ибо области Jchalaunen, Nadraunen и Judanen были, по-видимому, литовскими). Пруссия не была еще в то время единым государством, не была даже единой страной. В ней не было общих вастей, не было и полного политического единства, и в разных ее частях говорили, по-видимому, на разных наречиях. Не было еще и общего названия для всех жителей Пруссии. Легенда об объединении Пруссии под властью жреца (гриве) Бруно и его брата Видевуда остается легендой. Эта раздробленность Пруссии была довольно длительной, — она удержалась до самого ее завоевания орденскими немцами. Она-то, очевидно, и была одной из главных причин, вследствие которых Пруссия впоследствии подпала под власть германских рыцарей. Характерно при этом, что в то время, как остальные литовские племена устояли от

натиска германцев, составив или собственное сильное государство, или вступив в объединение с соседними народами (Польшей и Русью), пруссы были единственным литовским племенем, которое не могло отстоять своей самостоятельности от германских насильников и впоследствии им подчинилось.

Подводя итоги истории Пруссии между концом II и концом VI столетия, можно сказать, что самыми характерными фактами этого времени являются, во-первых, начало образования особой прусской племенной группы, – сохранившей, однако, тесную связь с литовцами и другими прибалтийскими народностями, и, во-вторых, некоторый консерватизм во внутреннем строе, вероятно, объяснявшийся разрывом торговли с античными государствами; вследствие чего здесь поддерживались порядки родового патриархального строя, с уклоном, однако, в сторону перехода патриархальной аристократии в аристократию военную. Живучесть родовых порядков поддерживало и раздробление Пруссии на отдельные районы, и слабое развитие в ней центростремительных сил.